

ВЯТСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ

С.В. Казаковцев

Вятский государственный университет, г. Киров

E-mail: hansuhrmacher@yandex.ru

Рассмотрены вопросы влияния Первой мировой войны на общественные настроения в Вятской губернии, показана их эволюция. Показана реакция населения губернии на возникновение войны и явления массового поведения больших групп людей. Рассмотрены сложные ситуации, с которыми местным властям пришлось столкнуться в начале войны.

Начало Первой мировой войны было встречено на Вятке различными манифестациями. Событие такой исторической значимости всколыхнуло спокойную жизнь российской глубинки. 20.07.1914 г. в день выхода Манифеста об объявлении военных действий между Россией и Германией в центре Вятской губернии состоялась значительная манифестация. Она сопровождалась пением гимна, выступлением оркестра. По городу прошли массы людей, несших национальные флаги, флаги союзников, портреты императора.

Первая неделя войны вызвала всплеск патриотизма среди населения Вятской губернии. Во многих государственных структурах, различных учреждениях население вело себя патриотично, показывало готовность к жертве, к справедливости. 22.07.1914 г. в 10 ч вечера манифестанты собрались уже у Спасского собора. Этот митинг был также значителен; он вновь сопровождался пением гимна, вывешиванием флагов России, Англии, Франции, Сербии. Пик патриотического порыва наблюдался 27.07.1914 г., когда состоялся грандиознейшая из всех манифестаций. В ней приняли участие духовные лица, выступившие с напутственными словами, массы горожан, полиция. По Московской улице манифестанты двинулись с пением гимна, одновременно они вручали подарки призванным на службу в армию.

В течение июля 1914 г. свои верноподданнические чувства выразили губернские управы, депутаты уездных городских дум, гласные уездных земских собраний, ремесленные общества, волостные сходы, мещанские общества, духовенство, старообрядческие общины, вятская еврейская община, мусульмане губернии, местные комитеты Красного Креста, земские начальники, земские инструкторы, кредитные товарищества, рабочие заводов и представители других организаций.

Появилось немало охотников, изъявлявших свое желание быть принятыми в армию несмотря на свой возраст, состояние здоровья. Нередки стали случаи, когда несовершеннолетние, негодные к службе в ходе первых мобилизаций являлись на призывные участки и просили записать их в войска. Поступали прошения о зачислении на фронт и из тюрем.

Такая характерная реакция народных масс была, в принципе, предсказуема. Ее можно объяснить справедливым для России характером войны, тем, что именно Германия объявила войну России, а не

наоборот. Большинство подданных могло прореагировать на начало войны именно таким образом. Своеобразная жертвенность России, оказавшейся перед лицом агрессора, стремление помочь братским славянским народам, справедливое возмущение развязыванием войны со стороны противника порождали среди населения яркое проявление справедливого возмущения, играли на патриотических чувствах.

Война невольно сплотила различные слои населения перед лицом общей опасности, однако, очевидно, что такие акции по проявлению ярого патриотизма могли сопутствовать только ее началу. Стихийность манифестаций не исключает, конечно, их искренности, но определенная искусственность в них, думается, все-таки присутствовала. Выражение верноподданнических чувств, желание наказать занавшего врага, выйти на улицы в какой-то мере были вызваны в том числе и явлениями массового, коллективного поведения больших групп людей. Всеобщая эйфория от неизбежности колоссальных изменений, искусственно прикрываемых сиюминутными эмоциями, страх перед неотвратимыми ужасами и потрясениями от войны с серьезным врагом в лице мощной германской державы и ее союзников, боязнь за свою собственную жизнь и жизнь близких, стремительно нарастающая неуверенность в завтрашнем дне заставляли людей объединяться перед лицом грозной опасности. Все это в какой-то мере, представляется, что в весьма значительной, и порождало такие явления массового поведения.

Разумеется, в них имел место и здоровый патриотизм, перемешанный с национализмом, но элементы массового психоза в описываемых событиях также могут быть обнаружены.

В данном случае уместно согласиться с Д. Санборном, который указывал, что «эти демонстрации не означали поддержку войны как таковой» [1]. Этим можно объяснить и тот факт, что такие проявления массового сознания населения имели место только в начале войны, и впоследствии их характер претерпел существенные изменения, практически полностью изменив их конституцию. В этом отношении имело значение и отсутствие социального равенства в обществе, а также явная настороженность крестьянства к объявленной мобилизации, что вскоре нашло свое отражение на практике. Как вспоминал А.И. Деникин, «народ поднимался на войну покорно, но без всякого воодушевления» [2].

Мобилизации в России нередко сопровождались пьяными бунтами и погромами. В 1914 г. кровопролития при этом были отмечены в различных губерниях Российской Империи, при этом погибло 225 человек [1]. Не явилась исключением в этом отношении и Вятская губерния.

Наиболее существенные беспорядки произошли 22.07.1914 г. в Котельниче. Там около 6 тысяч призываемых в войска разграбили два магазина, которые принадлежали местным предпринимателям Бабинцеву и Зубареву. Добравшись до запасов спиртного, толпа призывников перестала быть управляемой. Местные власти оказались явно неготовы к такому повороту событий: силы полиции были столь незначительны, что справиться с бунтом им в начале не удалось. Растерянность властей, их неготовность адекватно ответить на беспорядки привела к возможности разграбления торговых точек. Власти сумели опомниться лишь спустя несколько часов, когда пьяная толпа уже подходила к третьему магазину торговца Лебедева. Использование стражников, вооруженной полиции позволило предотвратить разграбление магазина и остановить пьяных.

Масштабность этих событий подтверждается и откровенным игнорированием толпой власти и ее приказов. Так, обращение владельца одного из разграбленных магазинов Бабинцева к помощнику исправника Мазунину осталось практически безрезультатным. Посыльный, присланный торговцем в полицейское управление, сообщил о беспорядках, на что были предприняты меры, явно не соответствовавшие характеру происходивших событий. Помощник исправника Мазунин лично направился к месту происшествия, но при пересечении Московской улицы с Троицким переулком он был забросан камнями со стороны толпы, что вынудило его ретироваться. При этом пострадавший Бабинцев указывал впоследствии, что Мазунин сказал посыльному: «Защищайтесь и отстаивайте сами!» [3]. Не помогли и водометы — они были перерезаны пьяными, что сделало невозможным подход к магазину для органов правопорядка.

О событиях в Котельниче было немедленно доложено губернатору, который дал указание о командировании в город экстренным поездом начальника жандармского управления и стражу в количестве 30 человек [4]. Однако даже применение оружия не сразу успокоило бунтовавших — из-за их действий было нарушено железнодорожное движение.

Жесткие инструменты воздействия, в том числе применение оружия, позволило навести порядок, но без человеческих жертв не обошлось — в результате беспорядков в Котельниче было убито 9 человек, ранено 12. Были также разгромлены два магазина, разрушено до 6 тысяч ведер спиртного. Причем спиртное находилось, как правило, в подвальном помещении, а находившийся на прилавках товар попадал под «горячую руку». Так, в магазине Бабинцева был уничтожен или растащен весь писчебумажный товар на сумму около 7 тыс. р. Правда, сам торговец указы-

вал в письме губернатору, что его убытки составили свыше 10 тыс. Несмотря на его просьбы о выдаче вознаграждения за понесенные убытки, Котельническое уездное полицейское управление выдало ему свидетельство в том, что общие убытки оцениваются лишь в пределах суммы не свыше 7 тыс. р [5].

В советское время количество убитых преувеличивалось и доводилось до 13 человек. Например, Н.Н. Попов отмечал, что в июльскую мобилизацию 1914 г. по стране в ходе беспорядков пострадало 258 человек, а еще 247 были убиты, на Урале же убитые составляли примерно 25 % из всех участников беспорядков; он также отмечает, что в Котельническом уезде Вятской губернии было 12 раненых и 13 убитых [6]. Откуда же взялись еще 4 убитых? Ответ на этот вопрос можно получить из телеграммы Вятского губернатора министру внутренних дел, в которой он сообщал, что «убитых и умерших от ран 9 человек, раненых 12, умерло от запоя 4 человека» [7]. Таким образом, умершие от последствий принятия значительных доз алкоголя также были приписаны советскими историками в категорию убитых.

В то же время нельзя исключать и возможности занижения цифр со стороны официальных властей в виду желания представить перед центром события в более выгодном для себя свете.

Вопрос о характере подобных выступлений также неоднократно поднимался в исторической науке. Тот же Н.Н. Попов призывает не ограничиваться простым объяснением в виде желания выпить, а видеть в них бунтарский характер, что, по его мнению, подтверждается разгромом в некоторых местах государственных учреждений, в которых хранились официальные документы [6]. С.В. Тютюкин отмечал, что волнения призывников во время июльской мобилизации 1914 г. наблюдались в 43 губерниях, что свидетельствовало о «социальном протесте народных низов против существующего строя» [8]. Ю.А. Балыбердин, напротив, акцентирует внимание именно на «водочном вопросе». Он указывает, что «запасные выступили с требованием водки» [9] и предлагает переосмыслить советскую точку зрения на данную проблему.

Что же произошло на самом деле? Представляется, что истина где-то посередине. Особый менталитет русского народа, его давние традиции, в том числе, связанные и с проводами в армию, предполагали приемлемость наличия спиртного в такой момент и обуславливали твердую уверенность, веками укоренявшуюся в народе, относительно своеобразной необходимости отметить событие такой чрезвычайной значимости, как уход на войну.

В этой связи можно согласиться с Д. Санборном, указывавшим, что винные погромы «были объяснимы, даже предсказуемы» [1]. Справедливы в этом отношении и выводы С.В. Букаловой, указавшей на то, что «спиртное выступает как необходимый атрибут ритуального закрепления перехода в новое состояние» [10]. Действительно, алкоголь в рассматриваемом случае следует квалифицировать

как своеобразный необходимый элемент, как некую должную составляющую, позволяющую солидности традиции.

В этом направлении местные власти начали проводить политику «закручивания гаек». Губернатор потребовал от начальников полицейских управлений принимать все меры по недопущению развития ситуации в неблагоприятном для властей русле. Под угрозой увольнения им были даны указания на недопустимость повторения бывших в различных местностях губернии событий.

Усилия властей в этом направлении вылились в проведение следующих мероприятий: 1) охрана спиртного силами полиции; 2) прекращение поставок вина в магазины; 3) вывозка спиртного из магазинов и лавок, находившихся на пути следования призываемых; 4) изъятие спиртного из торговых точек с временным перемещением его в безопасное место; 5) изменение маршрутов передвижения призываемых в тех случаях, когда уничтожить или вывезти спиртное не представлялось возможным; 6) снятие вывесок с магазинов, указывающих на наличие в них алкогольной продукции; 7) сокрытие алкоголя в секретных местах; 8) борьба с самогоно- и кумышковарением; 9) запрет на торговлю спиртом; 10) иные мероприятия, направленные на прекращение пьянства.

Каждый уезд, следуя в русле общегубернских предписаний, тем не менее, оставался в относительной свободе выбора того или иного мероприятия, имевшего превентивный характер по отношению к возможным пьяным беспорядкам. Так, в Сарапульском уезде было признано целесообразным лишь снятие вывесок с казенных винных лавок [11]. В Нолинском уезде, население которого «отличалось особо буйным нравом», было предписано вывезти вино в недоступные для призывников районы. В этом уезде власти воспользовались тем, что основная масса населения находилась на полевых работах, и вывезли винные запасы из потенциально опасных точек [12]. В Яранском и Слободском уездах вино также либо вывезли, либо торговлю им на время мобилизаций прекратили. После дополнительной оценки ситуации указанные мероприятия привели к тому, что в Вятском, Нолинском, Яранском, Елабужском, Слободском уездах было решено запретить торговлю спиртным на время мобилизационных мероприятий [13]. В то же время в Глазовском уезде продажу вин было решено признать желательной, что объясняется незначительным их количеством [14]; в Уржумском же уезде и вовсе поступили довольно рискованно — там в селах Юледура и Масканура имелись весьма значительные запасы спиртного (476 и 160 ведер соответственно), к тому же эти запасы находились по сути в весьма густонаселенной местности, но местные власти, видимо, решили, что, поскольку указанные села не находились на путях следования запасных, то опасность их разграбления была незначительной.

Власти всерьез опасались повторения кровавых котельнических событий, поэтому, имея такой опыт, они сделали определенные выводы и подключили к разрешению проблемы все имевшиеся возможности — были задействованы силы полиции, земских начальников — им предписывалось проводить работу среди населения, выявлять общественные настроения, указывать полиции на подозрительных лиц, вести деятельность по заботе и попечению семейств призванных. Все эти мероприятия были направлены, с одной стороны, на предотвращение возможных негативных явлений, с другой — на повышение авторитета власти среди населения. Также силы охраны, стражники, начали работать в новом для себя режиме — во время мобилизаций им следовало постоянно осуществлять разъезды по уездам, но при этом основной упор в их деятельности должен был быть направлен на уездные города и места следования запасных.

Такие действия в целом имели успех, однако население Яранского и Уржумского уездов губернии начало еще до выхода специальных распоряжений активно проводить закупку спиртного, продавая даже собственное имущество, а после выхода запретительных мер варить самогон и использовать настойки перцовки, имевшейся в свободной продаже, для последующей ее обработки с целью получения спиртного [15].

При этом следует отметить, что запрет на торговлю спиртным в начале войны не распространялся на рестораны первого класса и на ряд спиртосодержащих напитков в виду их заведомо высокой стоимости для подавляющего большинства населения губернии.

Вообще меры, проводимые губернскими властями в этом направлении, находились в русле общероссийской политики. Необходимость запрета продажи спиртного всегда сопутствует войне. Одновременно с указанными мероприятиями достигалась цель борьбы с пьянством. Губернатором были изданы обязательные постановления, запрещавшие изготовление и продажу труб из меди, латуни и других материалов, пригодных для варения самогона. Также в Вятской губернии были запрещены без особого разрешения полиции или рецепта врача продажа киндер-бальзама, одеколona, спирта, денатурированного спирта, гофманских капель, лака. Тем самым определенный вклад в отрезвление общества был внесен, пусть и под воздействием военных обстоятельств. В итоге в период с 15.07. по 31.12.1914 г. в губернии было закрыто 296 казенных винных лавок [16].

В итоге к 1915 г. в губернии не осталось никаких заведений для продажи спиртных напитков за исключением 13 погребов, размещенных по городам для технических, учебных и других надобностей [17]. Такая политика рассматривалась властями не только как отрезвляющая, но и как способствовавшая повышению производительности труда, снижению преступности, облегчению уплаты налогов, увеличению денежной массы в руках населения [18].

«Освободившиеся» деньги начали искать нового применения. В данном контексте уместно согласиться с А. Мак-Ки, указавшем на то, что сухой закон косвенно способствовал инфляции. Он также привел к освобождению значительных объемов хлеба, ранее потреблявшегося винокурной отраслью [19, 20]. Действительно, после запрета продажи алкоголя «избыточные» деньги пошли на закупку сельскохозяйственного инвентаря, промышленных товаров, образующая по сравнению с предыдущим периодом повышенный спрос, вызывавшим в свою очередь определенную неспособность в его удовлетворении в виду неготовности промышленности в силу ее неразвитости в должной мере.

Параллельно с мерами, направленными на реализацию мобилизационных предписаний, был осуществлен переход к более унифицированному порядку жизни. Резко был усилен надзор за контролем ситуации вокруг возможностей возникновения забастовок; власти получили четкое предписание проводить политику в русле сплочения населения и борьбы против социальных противоречий. По сути одной из важнейших задач, вставших перед губернским и уездными правлениями, стала усиленная борьба против различных революционных течений — полномочия губернатора в этом отношении были расширены, и акцент был сделан, скорее, больше на предупреждение, чем на борьбу.

Война, оказала серьезное влияние на умонастроения населения. Значительный патриотический подъем масс, готовность к жертве, неизбежность усложнения жизни, неотвратимость надвигающихся проблем и тягот в психологическом плане привели к тому, что первоначальный патриотический угар прошел довольно быстро, сменившись на рутинную жизнь, каждодневно приносящую лишь ухудшение положения большинству населения.

Все это способствовало тому, что в губернии определенное развитие получило стремление избежать военной службы, используя для этого как законные, так и нелегальные способы. Интересно отметить, что население региона к таким людям относилось с явным осуждением и, более того, всячески способствовало восстановлению справедливости. В виду этого даже широкое распространение получили коллективные ходатайства за подписью целых сел или деревень по сути дела с доносом на конкретного уклониста для подключения к делу полиции и воинских присутствий.

Так, жители деревни Полом Поломской волости в феврале 1916 г. не поленились написать письмо вятскому губернатору, в котором сообщали, что житель деревни Федор Алексеевич Вязников в свое время был отсрочен от призыва из-за болезни пальца, но по прошествии срока отсрочки заявил уже о болезни ушей. При этом население, видимо, знало односельчанина с негативной стороны и убеждало губернатора в умышленном уклонении Вязникова от службы. Подтверждение того, что он искусственно приписывал себе болезнь ушей, дали и его односельчане, бывшие с ним на медицинской комиссии

— они указывали, что он искусно имитировал свист в ушах носом, что умел делать и раньше [21].

В апреле 1916 г. на имя начальника вятского губернского жандармского управления также поступили сведения относительно того, что Абдул Гарифов Халфин взял подряд на Ижевском заводе на изготовление 10 тысяч ложевых и 2 тысяч накладных болванок, но фактически там не работает; а Хайрулла Халиуллин поступил на тот же завод под чужим паспортом с целью уклонения от службы [22].

Также прошения крестьян на имя начальника губернии изобличали уклониста из деревни Сунской Ярковской волости Орловского уезда Василия Герасимовича Папырина, который был фиктивно причислен к кожевному заводу своего брата, но на самом деле продолжал заниматься прежней деятельностью — торговлей мясом, при этом не имея ни малейшего представления о работе кожевного предприятия [23].

В этом же месяце крестьянами были обвинены братья Филипп и Никита Кирилловичи Пустоваловы, которые намеренно накурились «специального» табака, чем вызвали в медицинской комиссии отсрочку от службы [24]. В мае 1916 г. крестьяне обвинили своего односельчанина Александра Карповича Бердникова, который, будучи совершенно здоровым, перед комиссией пять дней ничего не ел, кроме дрожжей и искусственно вызывал у себя болезнь [25].

Подобных примеров было немало. Представляется, что они свидетельствуют вовсе не об атмосфере какого-либо доноительства в его худших формах, а, скорее, о желании справедливости, свойственном русскому народу. В самом деле, такая реакция на приспособленческое поведение отдельных членов общества с одновременным наличием фактов, когда ходатайства об оставлении хотя бы на короткое время одного из сыновей вместе с нетрудоспособными к труду родителями или родителем оставались неудовлетворенными, когда призыву подлежали подчас грамотные специалисты, работавшие на предприятиях, обеспечивавших нужды армии, когда богатые откровенно откупались от службы не могла не порождать справедливого возмущения крестьянских масс.

О том, что это было именно стремление к справедливости, говорит и сам характер доносов: «Ваше высокопревосходительство, ... крайне нежелательно, чтоб ... спекулянтам ... предоставлялась отсрочка ...», «... просим вас, будьте справедливы — уравнийте нас бедных с богатыми ..., а то нам обидно, что наши дети то бедные и служат, а богатые остаются» [26]. В то же самое время, например, крестьянин деревни Черпаковской Батаевской волости Котельничского уезда Харитон Фирсов Рыжков, признанный врачами больным малокровием, общей слабостью, постоянными головокружениями, был принят в войска даже несмотря на возмущение врачей [27].

Естественно, что такая перманентная вопиющая несправедливость могла родить в сознании коллективно мыслящего крестьянства именно протестные настроения. В начале войны большинство призывников (а подавляющее большинство их составляли

как раз крестьяне) пусть и с некоей настороженностью, но исполняло свои обязанности и исправно поставляло своих сыновей в армию в 1914 г. на призывные участки не явилось лишь 1,62 % призывников (1130 человек), из них только 744 человека отсутствовали по неизвестным причинам [28]. Можно сказать, крестьянство вообще с покорностью исполняло свой долг, но чрезвычайно обостренное чувство справедливости обладало качеством взрывоопасности при действии любых, даже незначительных катализаторов. Такими катализаторами и являлись периодически возникавшие ситуации, когда выполнение признанных крестьянством установок игнорировалось кем-либо из членов сообщества.

Таким образом, война вызвала взрывной рост патриотизма, особенно в городах, в то же время крестьянство, как основной поставщик людских ресурсов для армии отнеслось к ее началу весьма сдержанно, отчетливо осознавая неизбежность трудностей, столкновение с которыми было неизбежным. Своеобразная ограниченность сельской жизни кругом собственных проблем, замкнутость крестьянства, его покорность и определенная забитость большинством населения Вятской губернии позволили властям использовать указанные особенности при проведении военных мобилизаций.

Проблемы, сопутствовавшие им и избежать которых не удалось, во многом были определены совокупностью объективных и субъективных предпосылок. Тем не менее, в начале войны волна патриотизма была во многом обусловлена верой в то, что Россия является невинной жертвой германской агрессии, что обуславливает необходимость защиты. Патриотические чувства, нахлынувшие на вятчан, исходя из этого, легко объясняются, однако с затягиванием войны качество жизни все более ухудшалось. Масса убитых, раненых, пленных, столкнувшихся с нечеловеческими условиями, принося с собой горе во многие семьи, справедливо вызвали рост антивоенных настроений, обусловленных резким падением благосостояния, и без того невысокого, убылью масс трудоспособного населения, возросшими тяготами сельской жизни, недовольством неорганизованностью обеспечения армии, частую хамского поведения офицеров.

Правы оказались авторы листовки вятской социал-революционной организации, указавшие в 1914 г., что «прольются потоки народной крови, погибнет масса людей, осиротеет множество семей, много богатств и денег, тяжким трудом добытых народом, пропадет без всякой пользы для него. России грозит гибель» [29].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Санборн Д. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война (материалы международного colloquium). – СПб., 1999. – С. 202–212.
2. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февр.-сент. 1917 г. Репринтное произведение. – М.: Наука, 1991. – 520 с.
3. Государственный архив Кировской области (ГАКО). ГАКО. Ф. 582. Оп. 154. Д. 86. Л. 4–4 об.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 154. Д. 55. Л. 64.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 154. Д. 86. Л. 4–4 об.; ГАКО. Ф. 582. Оп. 154. Д. 86. Л. 11.
6. Попов Н.Н. Выступления рабочих и крестьян на Урале во время июльской мобилизации 1914 г. // Рабочие Урала в период капитализма (1861–1917): Сб. трудов Уральского гос. ун-та. им. А.М. Горького. – Свердловск: УрГУ, 1985. – С. 115–125.
7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 154. Д. 55. Л. 76а.
8. Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России. 1914–1917 гг. – М.: Мысль, 1972. – 304 с.
9. Балыбердин Ю.А. Политические партии в Вятской губернии в период Первой мировой войны (1914–1917). – М., 1995. – 136 с.
10. Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. – Орел, 2005. – 294 с.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 154. Д. 118. Л. 3.
12. ГАКО. Ф. 582. Оп. 154. Д. 118. Л. 11–12; ГАКО. Ф. 582. Оп. 154. Д. 118. Л. 18.
13. ГАКО. Ф. 582. Оп. 154. Д. 118. Л. 57–57 об., 59–59 об., 65, 68, 70–70 об.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 154. Д. 118. Л. 66.
15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 154. Д. 118. Л. 15, 85.
16. Хроника местной жизни в начале войны 1914 г. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1915 г. – Вятка, 1915. – 312 с.
17. Перминова Е.В. Антиалкогольная политика органов местного самоуправления Вятской губернии в годы первой мировой войны // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт: Материалы научной конференции, посвященной 135-летию Вятского земства. – Киров, 2002. – С. 133–144.
18. Меньшиков А. О Великой европейской войне 1914–1915 гг. – Вятка, 1915. – 154 с.
19. Мак-Ки А. Сухой закон в годы первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // Россия и первая мировая война (материалы международного colloquium). – СПб., 1999. – С. 147–159.
20. Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. – М.: Просвещение, 1987. – 208 с.
21. ГАКО. Ф. 1155. Оп. 1 Д. 489. Л. 62 об.–63 об.
22. ГАКО. Ф. 1155. Оп. 1 Д. 489. Л. 10.
23. ГАКО. Ф. 1155. Оп. 1 Д. 489. Л. 155–156.
24. ГАКО. Ф. 1155. Оп. 1 Д. 489. Л. 190.
25. ГАКО. Ф. 1155. Оп. 1 Д. 489. Л. 177–177 об.
26. ГАКО. Ф. 1155. Оп. 1 Д. 489. Л. 156, 190.
27. ГАКО. Ф. 1155. Оп. 1 Д. 476. Л. 18.
28. Садаков М. Удмуртия в годы первой мировой империалистической войны // Записки Удмуртского НИИ истории и фольклора при Совете Министров Удмуртской АССР. – Ижевск, 1954. – Вып. 16. – С. 51–83.
29. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 45. Оп. 1. Д. 60. Л. 40–40 об.

Поступила 09.10.2006 г.